

10. Коваль, Т. Б. Церковь и государство: испанский опыт / Т. Б. Коваль // Вопросы религии и религиоведения. Кн. 1 (II) – исследования. Религиоведение в России в конце XX – начале XXI в. – 2011. – С. 551–586.

11. Испания во Второй мировой войне (1939–1945) [Электронный ресурс] / Портал «promotour.info/spain». – Режим доступа: <http://www.promotour.info/spain/history/history45/>. – Дата доступа: 15.01.2020.

(Дата подачи: 19.02.2020 г.)

С. В. Настусевич

Белорусский государственный университет, Минск

S. V. Nastusevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 929:930.1

КОНЦЕПЦИЯ «НОВОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ» В РАБОТАХ Л. П. РЕПИНОЙ: ПОИСК ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

THE CONCEPTION OF «NEW BIOGRAPHICAL HISTORY» IN L. P. REPINA'S WORKS: SEARCH FOR FORM AND CONTENT

В статье рассматривается концепция «новой биографической истории», впервые оформленная в работах современного российского исследователя Л. П. Репиной. Автор статьи оценивается понятийный аппарат данной концепции, ее основные теоретические положения, связи с антропологически ориентированной историей, дается оценка перспектив ее развития и предлагается собственная дефиниция понятия «новая биографическая история».

Ключевые слова: новая биографическая история; биографика; антропологически ориентированная история; микроистория; Л. П. Репина.

The article considers the concept of a «new biographical history», first formulated in the works of a modern Russian researcher L. P. Repina. The author of the article evaluates the conceptual apparatus of this conception, its basic theoretical positions, its connections with anthropologically oriented history, assesses its development prospects and offers his own definition of the term «new biographical history».

Key words: the new biographic history; theory of biography; anthropologically focused history; microhistory; L. P. Repina.

Возрастание роли индивидуализирующего подхода в исторических исследованиях, происходящее в конце XX – начале XXI в., повлекло за собой пересмотр теоретических оснований исторической биографии. Одним из первых историографов данных процессов на постсоветском пространстве стала Л. П. Репина. «Красной нитью» во многих ее работах прослеживается утверждение о зарождении в современной историографии так называемой

«новой биографической истории». Предполагается, что новый тип биографии должен отражать историю жизни конкретного человека, раскрывать особенности развития общества, в котором он жил, и, одновременно, характеризовать специфику их взаимоотношений. Концепция «новой биографической истории» представляет собой перспективное направление современных биографических исследований и требует дальнейшей разработки ее положений, с целью их последующего объединения в стройную и непротиворечивую теоретическую модель.

Основные задачи историографии заключаются в выявлении закономерностей развития исторической науки, методологической оценке теории и практики историографических школ и учений, определении возможностей для практической реализации их положений в исторических исследованиях. Историография, являясь формой рефлексии исторической науки, в конечном счете всегда была нацелена на достижение ее наиболее совершенного состояния. В связи с этим разработка и поиск новых концептов в исторической науке вместе с расширением ее познавательного потенциала приобретает всё большее значение. С особой силой это стало проявляться в период активного вовлечения в оборот исторической науки нетрадиционных исследовательских объектов на фоне объединения социологической, культурологической и антропологической платформ исторического познания. Данные процессы, начавшиеся в 60–70-х гг. XX в., привели к возникновению понятия «новая историческая наука», которое закрепились с выходом во Франции одноименного энциклопедического справочника (1978) [1, с. 41]. Отчасти этим же обусловлены «вызовы постмодернизма», современный плюрализм мнений и подходов в академической среде, а также острая необходимость в междисциплинарности.

Одной из центральных тенденций развития исторической науки в конце XX – начале XXI в. является возрастание роли индивидуализирующего подхода в исследованиях [1, с. 73]. Интерес к данному подходу обусловлен ростом популярности в конце XX в. микроистории, что повлекло за собой пересмотр теоретических оснований исторической биографии [2, с. 184]. Одним из первых историографов данных процессов на постсоветском пространстве стала Л. П. Репина. Ее работы, начиная со статьи о «персональной истории» во втором выпуске альманаха «Казус» (1999) [3, с. 76–100] и заканчивая отдельной главой о биографической истории в монографии «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальная теория и историографическая практика» (2011) [4, с. 287–324], внесли значительный вклад в осмысление современного состояния исторической биографии. Теоретические изыскания Л. П. Репиной получили свое продолжение в работах А. С. Соколова [5, с. 4–11], Е. П. Александрова [6, с. 223–227], Ю. В. Дунаевой [7, с. 8–34], Д. А. Жуйкова [8, с. 133–136], Т. Н. Поповой [9, с. 540–563; 10, с. 265–292], Т. Н. Ивановой и Г. П. Мягкова [11, с. 167–176], а также легли в основу пятого выпуска журнала «Диалог со временем» (2001) [12] и исследовательского

проекта «Человек второго плана», созданного в 2003 г. на базе Ростовского регионального отделения Общества интеллектуальной истории.

«Красной нитью» в работах Л. П. Репиной прослеживается утверждение о зарождении в современной историографии так называемой «новой биографической истории». К такому выводу автор приходит, анализируя изменения в биографическом жанре, происходящие в западной историографии. Однако, на Западе (главным образом в англоязычной историографии) данные процессы объединены другим достаточно широким понятием «personal history», утвердившимся еще в 80-х гг. XX в. При этом Л. П. Репина подчеркивает, что под этим термином часто обозначаются самые разные ракурсы исследования: а) «история персоны» – традиционная биография значимого исторического лица; б) «личная история» – исследование личных, частных, эмоционально окрашенных отношений индивида; в) «внутренняя биография» – в центре оказывается процесс становления личности, ее душевная и мыслительная работа; г) «экспериментальные интеллектуальные автобиографии историков», которые обычно являются способом рефлексии над исторической профессией. В результате понятие «персональная история» становится слишком размытым и малопригодным для конкретного использования. В попытке сузить его, для своего анализа исследователь выбирает «личную историю» и «внутреннюю биографию», оставив в стороне традиционные и автобиографические работы [3, с. 78–82]. В соответствии с этим выбором Л. П. Репина определяет основной исследовательский объект «персональной истории» – «персональные тексты», а в качестве предмета данного направления называет «историю одной жизни» во всей ее уникальности и полноте» [12, с. 7]. При этом основную задачу «персональной истории» автор видит в одновременном изучении индивидуальности и личности героя и исторического социума, в который он помещен [12, с. 8]. В результате, сужая основной исследовательский объект «персональной истории» до «персональных текстов» (эго-документов) и ставя такую сложную задачу, Л. П. Репина фактически вступает в концептуальное противоречие с собой, поскольку подобная задача требует задействования максимально широкого охвата источников, не только отражающих внутренние переживания и мысли героя, но и позволяющих провести полноценное исследование социокультурной среды, в которой он жил. Данное представление о «персональной истории» в работах исследователя становится центральным и получает название «новой биографической истории», а сами понятия становятся взаимозаменяемыми и неоднократно используются в качестве синонимов [3, с. 78; 4, с. 293; 12, с. 9; 13, с. 344].

Основное отличие нового типа биографии от старого Л. П. Репина видит в том, что «в нем личная жизнь и судьбы отдельных исторических индивидов, формирование и развитие их внутреннего мира, “следы” их деятельности в разномасштабных промежутках пространства и времени выступают одновременно как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического социума и таким

образом используются для прояснения социального контекста, а не наоборот, как это практикуется в традиционных исторических биографиях» [3, с. 78]. Таким образом, предполагается, что новый тип биографии должен отражать историю жизни конкретного человека, раскрывать особенности развития общества, в котором он жил, и, одновременно, характеризовать специфику их взаимоотношений. Объектом подобного исследования выступает историческая действительность в широком пространственно-временном промежутке – т. е. не только затрагивающая место и время в которых жил индивид, но и те место и время, в которых сохранялась социальная и культурная память о нем. Под предметом исследования понимается история взаимодействия индивида с данной исторической действительностью, охватывающая как «личное взаимодействие», так и опосредованное его продуктами творчества. Поэтому важнейшей темой биографии этого типа является не только характеристика индивидуальности и личности человека, но и то, как общество реагировало на его действия и продукты творчества. В конечном счете этот анализ охватывает человека и общество в равной степени.

В качестве эталона «новой биографической истории» Л. П. Репина приводит работу Ж. Ле Гоффа «Людовик IX Святой» (1995) [3 с. 86]. Французский историк работал над этой книгой пятнадцать лет, и по его собственному признанию он «не без содрогания понял: историческая биография – один из самых сложных жанров исторической науки» [14, с. 16]. Дело в том, что Ж. Ле Гофф в своей работе постарался совместить ряд современных подходов и привнести в биографический жанр новое понимание его места и роли в историописании. Во-первых, автор под «исторической биографией» понимает именно историческое исследование, целью которого является открытие нового исторического знания. Простое событийное описание жизни личности прошлого, «романтизированная биография», чрезмерное увлечение биографа «неуместным психологизмом» и «голословными» необоснованными выводами, отсутствие дистанции между автором и героем биографии, попытки «вжиться» в своего героя, обыкновенное несоблюдение методологии исторической науки, и другие проблемы присущие большинству биографий изданных в XX в., заставляют Ж. Ле Гоффа заявлять о том, что историческая биография, «за некоторыми блестящими исключениями», в середине XX в. перестала существовать [14, с. 16]. Во-вторых, французский историк представляет героя биографии в качестве «глобализирующего объекта», вокруг которого организуется все поле исследования, и который «кристаллизует вокруг себя все свое окружение и все сферы, которые выкраивает историк из поля исторического знания» [14, с. 17]. В результате границы биографического исследования оказываются предельно широкими и включают в себя социальную, политическую, экономическую, культурную, религиозную и другие сферы исторической действительности, объединенные индивидуальностью и личностью героя. Из этого следует, что существование исторической биографии невозможно вне междисциплинарного подхода. В-третьих, биографи-

ческая модель в которой жизнь героя представлена в качестве упорядоченной цепочки важных и логических событий, ведущих к определенному конечному результату, по мнению Ж. Ле Гоффа, несостоятельна, поскольку она создает «биографическую иллюзию» цельной и сложившейся личности, действующей осмысленно и без колебаний, что, естественно, не приближает историка к реальному человеку прошлого. Биограф, наоборот, должен обращать внимание на проблемы выбора, перед которым стоял герой, на его сомнения, сожаления и противоречивость социальных ролей, которые он играл, а также допускать возможность принципиальной непостижимости некоторых противоречивых аспектов его личности. В-четвертых, Ж. Ле Гофф указывает на ошибочность противопоставления индивидуума и социума, поскольку человек «существует лишь в переплетении многообразных общественных отношений, и именно это многообразие позволяет ему реализоваться» [14, с. 22]. Таким образом общество и личность опосредованы друг другом и их раздельное изучение не оправдывает себя. В-пятых, по мнению французского историка, хронология биографии и биологической жизни ее героя может не совпадать. Множество знаний, представлений и привычек человека складываются под влиянием старшего поколения. Поэтому описание жизни следует начинать до рождения героя. По схожей причине окончанию биографии не должно соответствовать время смерти героя, поскольку сохраняется и модифицируется память о нем, а воспоминания, некрологи и работы современников изменяют дальнейшее восприятие его образа и, соответственно, жизнеописание [14, с. 17–24]. Как видим, подход Ж. Ле Гоффа предполагает «тотальную» историю личности, затрагивающую все возможные аспекты ее жизни. Идеи ученого были успешно реализованы в биографии Людовика IX, которая во многом определила базовые положения концепции «новой биографической истории».

Несмотря на приверженность Ж. Ле Гоффа антропологическим исследованиям, Л. П. Репина в своих работах практически не обращает внимание на то, что в западной историографии оформление нового подхода к биографическому исследованию произошло в рамках развития антропологически ориентированной истории и, в частности, микроистории. Многие новаторские положения, которые послужили концептуальному оформлению «новой биографической истории» были поставлены в основу таких работ как: «Сыр и черви. Картина одного мельника жившего в XVI в.» (1976) К. Гинзбурга и «Нематериальное наследство: Карьера экзорциста в Пьемонте XVII века» (1985) Дж. Леви [1, с. 89–93]. В обеих работах в центре повествования расположен отдельный индивид, взаимодействующий со сложной социальной средой, в которой он существует. Благодаря микроанализу, исследователи смогли рассмотреть не только личности своих персонажей, но и окружающую их социокультурную реальность в ее конкретных проявлениях. Личность здесь выступила в роли «линзы», естественным образом помещенной внутрь исторической действительности и изнутри преломляющей ее изображение в различных формах. В результате исследователи приобрели возможность рассмотреть

историческую действительность максимально подробно в новом ракурсе на относительно широком участке (за счет многообразия социокультурных сфер, в которые погружен индивид). Данный подход не только был воспринят Ж. Ле Гоффом для своей работы в качестве основного, но и полностью соответствует центральной задаче, которую Л. П. Репина поставила перед «новой биографической историей» – объединение исследования индивидуальности и личности героя биографии и социокультурной среды, с которой он взаимодействовал.

В своих работах Л. П. Репиной не удалось предложить собственную дефиницию понятия «новой биографической истории», которая позволила бы разграничить его с предельно широким понятием «personal history» (как упоминалось выше, исследователь употребляет их в качестве синонимов). В результате размытость понятия «personal history» не позволяет обозначить те основные задачи и подходы, которые были заложены автором в концепцию «новой биографической истории», и отразить ее содержательную часть и собственно «новизну» данного типа исследования. Подобную попытку совершила украинский исследователь Т. Н. Попова. В ее версии под «новой биографической историей» понимается «социальная персональная история», в которой «процедура реконструкции личной жизни выступает в качестве цели исследования, и одновременно – в качестве одной из предпосылок познания исторического социума» [9, с. 541–542]. Данное определение отражает важнейшую качественную характеристику концепции, но на наш взгляд не является исчерпывающим. В связи с этим, опираясь на вышесказанное, приведем собственную дефиницию этого понятия: «“новая биографическая история” – это научная концепция, сформированная в рамках антропологически ориентированной истории и предлагающая новый тип междисциплинарного биографического исследования, в равной степени охватывающий индивидуальность и личность человека, жившего в прошлом, и социокультурную среду, с которой он взаимодействовал, и предполагающий тотальное, многоплановое изучение индивидуальности и личности героя, социокультурной среды и совокупности взаимодействий между ними во всем их многообразии». Практическое воплощение данной концепции в жизнь предполагает достижение цели, носящей двуединый характер: 1) максимально полное раскрытие особенностей индивидуальности и личности героя; 2) получение нового знания об исторической действительности, отражающего специфику взаимодействия в ней индивидуального и коллективного опыта, уникального и всеобщего восприятия, микро- и макроуровней исторической реальности, воплощенную в конкретных жизненных ситуациях. Этот подход объединяет множество форм исторического и биографического исследования и носит междисциплинарный, а на наиболее высоком уровне, синтетический трансдисциплинарный характер.

Таким образом, концепция «новой биографической истории» представляет собой перспективное направление современных биографических исследова-

ний. Основные принципы данной концепции были сформированы в рамках развития антропологически ориентированной истории в 70–90-х гг. XX в., в частности микроистории. Свое название «новая биографическая история» получила в работах российского исследователя Л. П. Репиной по аналогии с понятием «новая историческая наука». Своими работами автор оказала значительное влияние на современную русскоязычную историографию, хоть и не избежала трудностей в оформлении соответствующего понятийного аппарата, который бы смог адекватно отразить основные теоретические положения рассматриваемой концепции. Поскольку данная концепция обладает высоким научным потенциалом и, совместно с основными направлениями антропологически ориентированной истории, способна вывести историческое исследование на качественно иной уровень, необходима дальнейшая разработка ее положений с целью их последующего объединения в стройную и непротиворечивую теоретическую модель.

Список использованных источников

1. Кром, М. М. Историческая антропология: учебное пособие / М. М. Кром. – 3-е изд. – СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. – 214 с.
2. Кром, М. М. Историческая биография: новая жизнь старого жанра / М. М. Кром // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сборник материалов научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 4–5 июня 2002 г.) / Изд-во С.-Петерб. ун-т; редкол.: Г. В. Калашников [и др.]. – СПб., 2002. – С. 182–189.
3. Репина, Л. П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания / Л. П. Репина // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – 1999. – Т. 2. – С. 76–100.
4. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальная теория и историографическая практика / Л. П. Репина. – М.: Круг, 2011. – 560 с.
5. Соколов, А. С. Биография в истории: проблемы и перспективы / А. С. Соколов // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. – 2005. – С. 4–11.
6. Александров, Е. П. Историческая биография как историографическая проблема: к изучению вопроса / Е. П. Александров // Ученые записки РГСУ. – 2008. – № 4. – С. 223–227.
7. Историческая биография: современные подходы и методы исследования: сборник обзоров и рефератов / Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам (Центр социальных научно-информационных исследований, Отдел истории); редкол.: Ю. В. Дунаева (отв. ред.) [и др.]. – М., 2011. – 172 с.
8. Жуйков, Д. А. Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии / Д. А. Жуйков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 25 (279). История. Вып. 52. – С. 133–136.
9. Попова, Т. Н. Персональная история VS интеллектуальная биография, биоисториография: подходы и понятия / Т. Н. Попова // Человек в истории и культуре: мемор. сб. материалов и исслед. в память лауреата Гос. премии Украины, академ. РАЕН, проф. Владимира Никифоровича Станко. – Одесса, 2012. – С. 540–563.
10. Попова, Т. Н. Историография в человеческом измерении / Т. Н. Попова // Історіографічні дослідження в Україні. – 2012. – Вип. 22. – С. 265–292.
11. Иванова, Т. Н. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях / Т. Н. Иванова, Г. П. Мягков // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Институт всеобщей истории РАН, Российский

государственный гуманитарный университет; редкол. О. В. Воробьева (отв. ред.) [и др.]. – М., 2012. – С. 167–176.

12. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 5. Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история / Институт всеобщей истории РАН; редкол.: Л. П. Репина (гл. ред.) [и др.]. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 400 с.

13. Репина, Л. П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти / Л. П. Репина // Сотворение Истории. Человек – Память – Казань: Изд-во КГУ, 2001. – С. 344–360.

14. Ле Гофф, Ж. Людовик IX Святой / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. В. И. Матузовой; коммент. Д. Э. Харитоновича. – М.: Ладомир, 2001. – 800 с.

(Дата подачи: 17.02.2020 г.)

Ф. А. Некрашевич

Академия МВД Республики Беларусь, Минск

P. A. Nekrashevich

Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 355(476)(09)«1797/1839»

ИСТОРИЯ ВИТЕБСКОГО БАТАЛЬОНА ВОЕННЫХ КАНТОНИСТОВ (1797–1839 ГГ.)

HISTORY OF THE VITEBSK CANTONISTS BATTALION (1797–1839)

Школы военных кантонистов являлись учреждениями образования вооруженных сил Российской империи. Их основной целью была подготовка квалифицированных кадров для армии. На территории Беларуси подобные учреждения были представлены Витебским батальоном военных кантонистов. Здесь проходили обучение в основном уроженцы белорусских губерний.

Ключевые слова: кантонисты; военное образование; эпидемии; материальное обеспечение; Витебск.

Cantonist schools were educational institutions of the armed forces of the Russian Empire. Their main goal was to train qualified personnel for the army. Vitebsk battalion of military cantonists represented such institutions on the territory of Belarus. It consisted of natives of Belarusian provinces.

Key words: cantonists; military education; epidemic; material support; Vitebsk.

Инкорпорация белорусских земель в состав Российской империи повлекла за собой появление новых повинностей для податного населения региона. Самой тяжелой из них стала рекрутская повинность, ставшая трагической страницей в истории Беларуси. В историографии по данной проблеме главное внимание уделяется основному сюжету – привлечению на многолетнюю военную службу взрослых мужчин из податных сословий. Тем не менее, с рекрутчиной были связаны и другие сюжеты. Например, судьба сыновей рекрут.